

Трех твоего отца

Фелисса Фэйт

18+

Фелисса Фэйт

Грехи твоего отца

<https://litres.ru/74282389>

SelfPub; 2026

Аннотация

Её похоронили заживо. За стеклянной стеной оранжереи, пока богатые дети проживали август своей лучшей жизни.

Ханна Эйхенвальд умерла для всех. Для родителей, которых купили, для друзей, которым сказали молчать, и для мальчика, которого она любила с восьми лет.

Но мёртвые иногда возвращаются.

Теперь она — Шелли. У неё новое лицо, новое имя и одна цель: уничтожить каждого, кто приложил руку к её смерти. Даже если для этого придётся лечь в постель с отцом возлюбленного.

Содержание

1. Ханне повезло	4
2. Птичка в клетке	42
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Фелисса Фэйт

Грехи твоего отца

1. Ханне повезло

Стеклянные панорамные окна в «Гранд-Эклипс» натирали до такой маниакальной прозрачности, что птицы иногда разбивались о них насмерть, просто не замечая преграды. Уборщики сметали крошечные тельца ещё до того, как первые гости успевали спуститься к завтраку. В мире больших денег не терпели напоминаний о смерти и грязи. Всё должно было быть идеальным.

В то утро, стоя в залитом солнцем вестибюле, Ханна тоже не замечала никаких преград. Её мысли занимала не чья-то сломанная шея, а то, как сидит на ней новая нежно-голубая кофточка. Она поправила вырез, покусывая губы в ожидании. Сегодня Крис Вэнс просто обязан был посмотреть в её сторону.

— Ты пялишься, — шепнула Хлоя, легонько толкнув её локтем в бок. Её круглое, усыпанное веснушками лицо светилось предвкушением идеальных летних каникул.

Ханна не ответила, боясь спугнуть момент.

Родители стояли всего в паре шагов, но ментально находились на другом континенте. Мама с нервной быстротой пе-

чатала что-то в телефоне, а отец напряжённо диктовал очередные цифры по гарнитуре.

Мама, не отрываясь от телефона, поправила выбившуюся прядь у неё за ухом и машинально сжала плечо быстрым движением человека, который всё время куда-то опаздывает, но всё равно проверяет, надел ли ребёнок шапку.

— Поешь нормально, хорошо?

— Мам.

— Что?

— Я не в детском саду.

— Для меня ты всегда будешь в детском саду.

И тут же снова уткнулась в экран.

Они приехали в «Гранд-Эклипс» отдыхать, но верные псы фонда Косты никогда не снимали ошейников. Для Ханны это было привычным белым шумом. Единственным, что имело значение здесь и сейчас, был тот, кто шёл через вестибюль.

Кристиан Вэнс. Он казался ожившей рекламой дорогого парфюма и безоблачного будущего. Светло-карие, почти медовые глаза, идеальная линия челюсти и небрежно уложенные светлые волосы, которых так и хотелось коснуться. В каждом его движении сквозила расслабленная, ленивая грация. Он носил свои привилегии как идеально скроенный костюм: легко, естественно, даже не замечая их веса. Будто весь мир действительно должен был работать именно так — открывать двери, улыбаться в ответ и никогда не ставить перед ним по-настоящему трудных выборов.

Посмеялся над шуткой друга и лёгким движением поправил светлые пряди, лезущие в лицо.

Рядом с ним, являя разительный контраст, двигалась тёмная, тяжеловесная фигура его отца. Адриан Вэнс, владелец всего этого стеклянного великолепия, бросил на холл короткий, сканирующий взгляд, от которого горничные невольно выпрямляли спины. Для пятнадцатилетней Ханны он выглядел скучной декорацией — угрюмым взрослым на фоне золотого сияния его сына.

Крис повернул голову. Его взгляд скользнул по её новой кофточке, поднялся к лицу — и в глазах привычно вспыхнули те самые искорки мальчишеского задора. Так бывало всегда, стоило ему посмотреть на неё. Они дружили с лет восьми. С того лета, когда Ханна случайно свалилась в бассейн, а Крис вместо того, чтобы позвать спасателей, просто прыгнул следом, едва не потопив их обоих.

Сердце Ханны ухнуло куда-то в район желудка, а потом забилось в горле.

«Этим летом, — подумала она, задыхаясь от щемящего предвкушения. — Этим летом я обязательно ему скажу.»

— Он заметил, — выдохнула Ханна, когда Крис скрылся в глубине отеля, направляясь в сторону частного лифта. — Ты видела?

Хлоя закатила глаза, но в них плясали смешинки.

— Видела. Он улыбнулся тебе так же, как улыбается официанту, который принес ему лимонад. Ты слишком много

придаёшь этому значения, Хан.

Ханна лишь пожала плечами. Она знала то, чего не знала Хлоя. Крис никогда не улыбался официантам так.

Родители Ханна исчезли в направлении ресторана раньше, чем она успела среагировать. Это тоже было привычным. «Гранд-Эклипс» для них означал всего лишь смену декораций при той же работе. Мама наверняка уже нашла где-то угол с хорошим вай-фаем, а папа договаривался об ужине с важным человеком. Ханна знала, что к вечеру они будут раскаиваться за чрезмерную занятость, и компенсируют это щедро — разрешат заказать всё что угодно в номер и лечь спать, когда захочется.

В общем-то, неплохая сделка.

— Ты понимаешь, что нам сюда не положено? — сказала Хлоя, разворачиваясь на месте посреди вестибюля. — По-настоящему не положено. Мои родители узнали про путёвку и первым делом спросили, не перепутали ли чего.

— Твои родители крутые, — отозвалась Ханна. — Расслабься.

Хлоя прикусила губу. Она всегда чувствовала себя некомфортно на таких мероприятиях. А тут целое лето.

— Поэтому давай воспользуемся этим по максимуму, — с великим настроем добавила Ханна.

Хлоя хмыкнула, но пошла за ней.

«Гранд-Эклипс» был устроен так, чтобы ты никогда не чувствовал себя ни голодным, ни скучающим, ни недоста-

точно красивым. Мрамор цвета сливок под ногами, живые цветы в каждом закутке — целые инсталляции, мягкий свет, который подсвечивал, не слепил. Даже воздух был особенным, чуть прохладным и с едва уловимым запахом чего-то цитрусового. Ханна бывала здесь уже трижды и всё равно каждый раз делала над собой усилие, чтобы не крутить головой как туристка.

День растворился легко и почти незаметно.

Так бывает только в первый день каникул, когда впереди ещё целое лето и торопиться некуда.

Когда Ханна собиралась выходить из номера, отец машинально подошёл, поцеловал её в макушку, продолжая диктовать цифры в гарнитуру.

— Повеселись! — бросила мама напоследок.

— И будь осторожна, — добавил папа, возвращаясь к столу, — Нет-нет, я не вам...

Ханна улыбнулась им и упорхнула к подруге. Они с Хлоей провалялись у бассейна весь день, листая соцсети и изредка комментируя проходящих мимо людей. Потом к ним подсел Марко — смешной итальянский мальчик, который каждое лето появлялся здесь и каждое лето делал вид, что они едва знакомы, пока не выяснялось, что он просто дичайше стеснялся первым заговорить. К обеду компания разрослась ещё. Присоединилась некая Коралина с сестрой, которые ждали родителей из спа и были рады любой компании.

Крис мелькнул на террасе после обеда. Засмеялся с кем-то

громко, хлопнул приятеля по плечу, исчез. Ханна проводила его взглядом и вернулась к Хлое, которая сделала вид, что ничего не заметила.

В тот же вечер Ханна столкнулась с ним у автомата с напитками. Она стояла перед стеклянной витриной уже минуты две, пытаясь решить, стоит ли тратить деньги на слишком дорогой холодный чай.

— Это ловушка, — сообщил знакомый голос.

Она обернулась.

— Что?

— Они специально ставят полезные напитки на уровне глаз, а газировку ниже. Чтобы ты чувствовала себя плохим человеком.

— Ты изучал маркетинг?

— Нет. Я высокий.

Крис нажал кнопку, достал самую дорогую банку и протянул ей.

— Держи.

— Спасибо, но я... — Ханна улыбнулась. Ей всегда было неловко принимать такие подарки. Из-за этого шептались, что она дружит с ним только из-за денег. Как и все остальные, кто крутился рядом с Крисом.

Он не убрал руку.

Ханна сдалась и взяла банку, повторив:

— Спасибо.

— Не за что.

Несколько секунд они молча стояли рядом. Ханна сделала пару освежающих глотков, так и не поняв, почему же это стоило таких денег.

— Хан? — позвал он, наблюдая за тем, как она изучает состав на этикетке.

— М?

— Ты же приедешь следующим летом?

Она удивлённо моргнула и посмотрела на него.

— Конечно.

— Хорошо.

— А что?

Крис пожал плечами.

— Ничего. Просто спросил.

Потом улыбнулся своей прекрасной улыбкой.

— Кто-то же должен проигрывать мне в теннис.

Ханна рассмеялась.

Вечером родители действительно решили компенсировать всё разом. Она заказала дорогущее тирамису и легла спать в полночь, глядя в потолок с таким ощущением, когда не знаешь точно, чего ждёшь, но знаешь, что оно точно случится.

Пансионат «Вершина» открылся этим летом впервые. Это чувствовалось во всём — в свежей краске на заборе, в персонале, который старательно улыбался, в табличках с названиями корпусов, ещё не успевших выцвести на солнце. Лоренс

Бланк, молодой инвестор, которого родители Ханны называли «коллегой руководства», открыл «Вершину» с очевидной амбицией: не простой летний лагерь для детей состоятельных людей, а место, где заводят правильные знакомства с правильного возраста.

Родители привезли детей к воротам в районе полудня. Ханна насчитала около двадцати шикарных машин.

— Смотри не вляпайся ни во что, — сказала мама, обнимая её на прощание рассеянно, одним плечом — второй рукой уже тянулась к завибрировавшему телефону. — И отвечай на сообщения.

Папа потрепал её по голове.

— Веди себя хорошо, — пауза. — И познакомься с нужными людьми.

Будто давал деловой совет, а не напутствие дочери. Впрочем, для него это было одно и то же.

Ханна кивнула и пошла к воротам, не оглядываясь. Хлоя уже ждала её внутри с рюкзаком, съехавшим на одно плечо, и видом человека, который морально готовится к чему-то среднему между экзаменом и вечеринкой.

— Твои уехали? — спросила Ханна.

— Мама успела сфотографировать меня на фоне ворот три раза, — Хлоя поправила лямку. — И расплакалась в машине. Папа прислал сообщение, пока они ещё стояли на парковке.

Ханна усмехнулась.

— Говорю же, твои родители крутые.

Территория «Вершины» была устроена с той же продуманной щедростью, что и «Гранд-Эклипс», только без мрамора и панорамных окон — здесь ставили на природу. Сосны, гравийные дорожки, деревянные корпуса с верандами, и за всем этим — синяя полоска озера. Главный корпус был современным, немного чужеродным среди деревьев, как человек в костюме на пикнике. Но именно он создавал основное впечатление.

Комнаты распределяли быстро и без лишних церемоний. У каждого своя. Небольшая, но продуманная: кровать, рабочий стол, окно на лес или на озеро в зависимости от везения. Ханне досталось озеро.

— Повезло, — сказала Хлоя из соседней двери. — У меня сосна прямо в стекло смотрит. Большая. Как охранник.

— Или как защитник.

— Или как охранник, — твёрдо повторила Хлоя.

Доска с расписанием висела в холле главного корпуса. Большая, красиво оформленная, с цветными блоками по времени.

Утренние занятия: теннис, скалодром, мастер-классы по переговорам и публичным выступлениям — последнее явно для галочки перед родителями.

Днём: свободное время и бассейн.

Вечером: общие ужины, кино на террасе, что-то вроде клубных встреч по интересам.

Ханна изучала расписание с нарастающим интересом, когда за спиной раздался голоса.

— Переговоры, — Крис стоял чуть в стороне, руки в карманах, и смотрел на доску с выражением человека, которому показали меню ресторана, где всё невкусно. — Серьёзно?

Его очередной приятель — высокий, темноволосый, имя Ханна не запомнила и не особо старалась — фыркнул.

— Кто-то реально придёт на это добровольно?

— Лохи, — лаконично резюмировал Крис. Перевёл взгляд правее. — Скалодром — другое дело.

— Вечером кино, — заметил приятель. — Можно не приходить?

— Можно всё что угодно, — сказал Крис. — Это не школа.

Ханна смотрела в расписание и старательно не поворачивала голову.

— Но те, кто придут на переговоры, — добавил Крис чуть тише, и в голосе мелькнула та взрослая нотка, которую он иногда копировал у отца, — потом будут знать нужных людей. Так что лохи — относительное понятие.

Приятель промолчал.

Ханна наконец повернулась.

— Звучит как цитата из речи на выпускном, — сказала она.

Крис посмотрел на неё — секунду с удивлением, потом с той самой улыбкой.

— Хан, — как будто только что заметил её, хотя она знала, что заметил раньше. — Ты тоже изучаешь расписание?

— Переговоры, — сказала она серьёзно. — Записываюсь.

Хлоя рядом издала звук, очень похожий на подавленный смех.

Крис качнул головой, но не отвернулся. Взгляд Ханны скользнул чуть дальше и зацепился за знакомую фигуру.

Адриан Вэнс приехал вместе с сыном, что само по себе было необычно. Большинство родителей высаживали детей у ворот и уезжали. Он прошёл внутрь, коротко переговорил с Бланком, пожал руку — Ханна увидела эту сцену мельком. Бланк кивал с тем особым старанием, с которым кивают людям, от мнения которых зависит всё.

Уходя, Адриан остановился у выхода и обернулся. Не на сына и не на Бланка. Просто окинул холл взглядом, методично, как человек, который привык проверять, всё ли на своих местах. Взгляд скользнул по доске с расписанием, по группе детей у стойки, по Ханне — и дальше, без задержек и без интереса.

Просто убедился, что всё в порядке. И вышел.

Ханна смотрела ему вслед секунду, потом вернулась к расписанию.

Июнь таял медленно и сладко.

«Вершина» оказалась именно тем, чем обещала быть: местом, где всё продумано до той степени, когда перестаёшь за-

мечать продуманность и просто живёшь. Утренний теннис, скалодром, где Марко каждый раз падал на одном и том же участке с таким достоинством, будто это была специально задуманная концепция. Мастер-классы по переговорам — Ханна пришла на первый из иронии, на второй из интереса, на третий потому что Крис заметил и сказал «смотри, лохи-то правы» с той интонацией, которая означала комплимент.

Они существовали в одном пространстве так, как существовали всегда. Рядом, но не вместе. Он — центр притяжения, вокруг которого сами собой собирались голоса и смех. Она — на краю этого притяжения, достаточно близко чтобы считаться своей, достаточно далеко чтобы оставаться собой.

Это устраивало её ровно до того момента, пока не перестало устраивать.

— Ты замечаешь, как он смотрит на тебя, когда ты не смотришь? — шепнула Хлоя однажды ночью. Они лежали на веранде корпуса, на матрасах, которые притащили ещё в первую неделю и с тех пор оставили там на весь сезон. Небо было ненормально звёздным, за городом всегда так.

— Ты говоришь это каждое лето, — сказала Ханна.

— Каждое лето это правда.

— Тогда почему ничего не происходит?

Хлоя помолчала.

— Потому что он ждёт, что ты первая скажешь. А ты ждёшь, что он. И вы оба идиоты.

Ханна засмеялась, хотя смешно не было.

— Этим летом скажу.

— Ты говоришь это каждое лето.

— Заткнись.

Октавия появилась в середине июня. По версии администрации припозднилась из-за семейной поездки, по версии самой Октавии потому, что родители решили, что фестиваль яхт-клуба важнее.

Она вошла в столовую как та, кто знает, что на неё смотрят, и считает это естественным порядком вещей. Не вызывающе и не надменно, просто как будто всю жизнь росла под взглядами.

Идеальный блонд, золотистый загар, белая рубашка, завязанная узлом на талии. Даже поднос в её руках выглядел так, будто его выдали вместе с комплектом аксессуаров.

Ханна ожидала, что такие девушки разговаривают исключительно о брендах и собственной красоте.

Поэтому удивилась, когда Октавия села за соседний столик рядом с Коралиной и минут десять обсуждала с ней лошадей с совершенно искренним увлечением, а потом расмешила весь стол историей о том, как её младший брат однажды запер няню в кладовке.

— Она мне не нравится, — прошептала Хлоя, наклонившись к подруге.

— Почему?

— Потому что она слишком быстро всем понравилась.
Иногда Хлоя бывала чересчур предвзятой.

На Ханну Октавия вышла только на третий день.

— Ты же Ханна?

— Да.

— Вы давно дружите с Кристианом Вэнсом?

— С детства.

— Как мило.

Октавия улыбнулась без фальши. Просто так, как улыбаются люди, привыкшие получать то, чего хотят.

— Тогда ты мне поможешь.

Ханна не нашлась с ответом, просто улыбнулась в ответ.

Как только Октавия ушла из поля зрения, подруга активировалась.

— Она хочет, чтобы ты её познакомила, — сказала Хлоя потом с интонацией человека, который ставит диагноз.

— Я знаю.

— И ты поможешь ей.

— Я не...

— Ханна.

Пауза.

— Ну не могу же я просто сказать нет.

Хлоя посмотрела на неё долгим взглядом.

— Можешь. Это называется «нет». Один слог.

Ханна не сказала нет. Она познакомила её с Крисом на следующий день. Органично, так что никто не заметил, что

это было организовано.

Они столкнулись у бара возле бассейна. Кристиан лениво листал телефон.

— Крис, — позвала Ханна.

Он поднял голову и сразу улыбнулся.

— О, Хан. Ты жива.

— Пока да.

— Отлично. Я уже почти составил трогательную речь.

Она засмеялась. Сердце, как всегда, повело себя предательски.

— Кстати... познакомься. Это Октавия.

Октавия шагнула вперёд, выходя из тени с лёгкой улыбкой:

— Наслышана о тебе.

— Надеюсь, только хорошее.

— Исключительно интригующее.

Крис усмехнулся.

— Интригующее? Теперь мне страшно.

— Не бойся, — сказала Октавия. — Если бы я хотела тебя убить, я бы не предупреждала.

Он легко рассмеялся. И Ханна непроизвольно подумала о том, что они подходят друг другу. Не из-за красоты, шарма или богатства. А потому что разговаривают на одном языке. Она почувствовала это почти физически. Как если бы внутри что-то тихо щёлкнуло. Будто всю жизнь стояла рядом с дверью, уверенная, что однажды та откроется именно перед

ней. А потом увидела, как кто-то другой проходит внутрь без стука.

Но осталась стоять рядом ещё несколько минут, вставляя реплики в разговор и делая вид, что ничего не изменилось.

Потом ненавидела себя ровно двадцать минут, наблюдая, как Октавия смеётся над какой-то его шуткой. Потом сказала себе, что ничего не теряет, потому что и не имела. Это была разумная мысль. Которая совершенно не помогала.

«Ты сама виновата, — думала Ханна, лёжа ночью и глядя в потолок. — Ты говоришь "этим летом" уже три года. Может быть, дело не в неподходящем моменте. Может быть, дело в тебе.»

Бассейн в «Вершине» не мог сравниться с бассейном в «Гранд-Эклипс». Здесь он был меньше. Без бесконечной линии воды, уходящей в горизонт. Без полотенец, которые приносили раньше, чем ты успевал подумать, что замёрз. Без официантов в идеально сидящей форме и без меню толщиной с небольшой роман.

Но солнце грело одинаково, вода пахла хлоркой одинаково, а в пятнадцать лет для счастья, как выяснилось, требовалось гораздо меньше.

Ханна лежала на шезлонге, подставив лицо солнечным лучам. Хлоя на соседнем мазала нос солнцезащитным кремом с такой сосредоточенностью, будто штукатурила стену.

— Если я всё равно сгорю, — пробормотала она, — то

хотя бы не сразу.

— Ты рыжая, — заметил Марко. — Это не загар. Это жизненная позиция.

— Сказал человек, который обмазался маслом для загара.

Крис рассмеялся. Он сидел на бортике бассейна, опустив ноги в воду, и лениво перебрасывался мячом с Дэном. Загорелый, расслабленный, щурящийся от солнца. Такой красивый, что Ханне хотелось дать себе подзатыльник. Не будь смешной. Это же просто Крис. Тот самый Крис, который, проигрывая ей в любую игру на приставке, напускал на себя благородный вид «Я специально поддался, ради тебя».

Работник бара — непримечательный парень лет двадцати — поставил перед ним высокий стакан. Крис посмотрел на стакан, потом на него.

— Я просил клубнику.

Парень растерянно замер на долю секунды, затем засуетился.

— Простите. Сейчас заменю.

— Да всё нормально, — улыбнулся Крис. Улыбка вышла лёгкой и дружелюбной. Такой, после которой люди начинали рассказывать, какой он замечательный парень.

— Спасибо, — добавил он.

Когда работник ушёл, Крис закатил глаза.

— Как вообще можно перепутать клубнику и манго?

— Очень просто, — отозвалась Ханна и зачем-то философски добавила. — В мире существуют настоящие пробле-

мы.

Крис повернул голову.

— Хан. Если человек делает работу, пусть делает её нормально.

— Это просто коктейль.

— Сегодня коктейль. Завтра самолёт.

Он сказал это легко. Будто был прав по умолчанию.

— А послезавтра конец цивилизации, — невозмутимо закончила Хлоя.

Дэн фыркнул. Марко захохотал.

— Нет, серьёзно, — Крис развёл руками. — Почему все делают вид, что ожидать от человека компетентности — что-то сверхъестественное?

— Потому что он принёс тебе манго вместо клубники, а не ампутировал не ту ногу, — сказала Хлоя.

— А если бы он ампутировал не ту ногу, ты бы сказала: «Ну, все ошибаются»?

— Нет. Тогда я бы сказала: «Хорошо, что я пришла сюда не за ногой».

Крис рассмеялся.

— Господи, Биркин, как ты вообще существуешь?

— Очень счастливо, — ответила Хлоя. — Потому что не устраиваю трагедию из-за фруктов или ягод.

— Это вопрос принципа.

— Это вопрос того, что ты избалованный.

Повисла короткая пауза. Ханна напряглась. Но Крис толь-

ко поднял брови.

— Возможно, — признал он неожиданно легко. — Зато честно.

— Смотрите-ка, какое самосознание, — отозвалась Хлоя, словно делая ироничный комплимент.

— Не привыкай.

Все снова рассмеялись.

Через минуту спор уже сменился обсуждением вчерашнего фильма. Потом Марко попытался сделать сальто в воду и едва не выбил зуб о бортик, потом Дэн объявил себя жертвой общественного заговора, потому что никто не поддержал его мнение о главном герое.

И всё вернулось на круги своя.

Ханна смотрела, как Крис щурится на солнце, смеясь над очередной глупостью Марко, и думала, что Хлоя, наверное, ошибается.

Избалованный не значит плохой. Он просто вырос в мире, где всё работало как надо. Ханна подумала, что однажды он станет похож на своего отца. Не потому, что был жестоким. Просто потому, что привык: если что-то работает неправильно, это нужно исправить. И никогда не задумывался, что иногда под словом «исправить» разные люди понимают совершенно разные вещи.

В конце июня «Вершина» устроила родительский день — официально, с программой и фуршетом на открытом возду-

хе. Часть родителей приехала, часть прислала извинения и переводы на карманные расходы как компенсацию.

Кто-то привёз домашнюю выпечку, которую всё равно никто не ел рядом со столами кейтеринга. Кто-то пришёл в спортивных костюмах, словно случайно оказался здесь после пробежки. Кто-то появился в костюме, будто между двумя совещаниями.

Дети на несколько часов снова превратились в детей.

Марко повис на шее у матери так, будто ему было не пятнадцать, а пять. Отец Коралины снимал всё подряд на огромную камеру и каждые две минуты спрашивал:

— Вы видели? Нет, вы видели? Это моя дочь.

Хлоя краснела, пока её мама в третий раз поправляла ей воротник.

— Мам.

— Что?

— Хватит уже, а. Пожалуйста.

Мама Ханны приехала на полчаса. Обняла её. Спросила, как кормят и не подружилась ли она с кем-нибудь полезным. Ответила на три звонка. Поправила ей волосы. Сказала:

— Ты похудела.

И уехала.

Папа прислал сообщение: «Занят. Но горжусь тобой. Позвони вечером». Ханна позвонила. Он не взял трубку. Она не обижалась на них. Ей лишь иногда казалось, что родители очень стараются построить жизнь, в которой у неё будет всё.

Просто иногда забывают, что она уже в ней живёт.

Отец Криса приехал без предупреждения и без опозданий, как тот, у кого все встречи начинаются вовремя по умолчанию. Ханна увидела его сначала в разговоре с Бланком — тот снова кивал с тем же старательным усердием. Потом господин Вэнс отошёл в сторону, взял кофе у официанта, и несколько минут просто стоял, глядя в сторону леса. Один. Среди всего этого родительского гула.

Крис заметил отца не сразу. Сначала закончил спорить с Дэном. Допил лимонад. Только потом подошёл. Они обменялись несколькими фразами. Без объятий и без похлопываний по плечу. Просто стояли рядом и говорили. Ханна только заметила, что Крис слегка выпрямился. Не нарочно, а как люди невольно выпрямляются рядом с теми, чьё мнение для них важно. Через минуту он что-то сказал. Крис закатил глаза. Господин Вэнс поднял бровь. Крис усмехнулся. Ханна поняла, что это, видимо, их версия нежности.

Уже вечером, когда родители разъезжались, а сотрудники складывали стулья, Ханна вылетела из-за угла главного корпуса и едва не врезалась в мужчину. Он поймал её за локоть. Удержал и тут же отпустил.

— Осторожнее.

— Простите, господин Вэнс.

— Цела?

— Да.

— Тогда всё в порядке.

Телефон завибрировал. Он взглянул на экран. Коротко кивнул ей и ушёл.

Ханна смотрела ему вслед и думала, что они с Крисом совсем не похожи.

А потом увидела, как Крис идёт ему навстречу, машинально выпрямляя плечи.

И решила, что, наверное, всё-таки похожи.

Июль начался с грозы.

Дождь усердно бил в окно.

Хлоя пришла к подруге в комнату поздно, когда все уже или спали, или делали вид. Она принесла шоколадку, которую берегла с прошлой недели, оправдываясь диетой.

— Уже месяц прошёл, — сказала Хлоя, разламывая её пополам.

— Знаю, — Ханна смотрела в окно, дождь словно окунал её в меланхолию.

— Октавия ему нравится.

— Я знаю.

— Точно знаешь?

Ханна взяла свою половину шоколадки.

— Я сама их познакомила.

— Ага. И это было глупо.

— Это было...

— Глупо, — повторила Хлоя без злобы. — Ты думала, что если помогаешь ей, то она тебя не вытеснит. Что занять ме-

сто рядом безопаснее, чем попробовать занять его напротив. Но так не работает.

За окном сверкнула молния. Ханна посчитала секунды до грома.

— Он ещё не вместе с ней, — сказала она наконец.

— Ещё нет.

— Значит, ещё есть время.

Хлоя смотрела на неё долго и выразительно. Потом кивнула. Потому что была хорошей подругой.

— Тогда хватит ждать, — сказала она. — Скажи ему. Хуже не будет.

Ханна закинула в рот дольку. Подумала, что Хлоя, конечно, ошибается насчёт «хуже не будет». Хуже бывает всегда, просто по-разному.

Но всё равно кивнула.

— Если ты всё-таки признаешься Крису, а он скажет нет, я подожгу его шорты.

— Ты? Поддожёшь? — хихикнула Ханна. — А ты вообще умеешь?

— Что там уметь-то? — с напущенной уверенностью подобралась Хлоя. — Научусь.

— Ты слишком хорошая для поджогов.

— Не преувеличивай. Я однажды жвачку украла в супермаркете.

Ханна повернулась к ней.

— Серьёзно?

— Нет, конечно.

— Хлоя!

— Но если это понадобится сделать для тебя, то я морально готова.

Ханна засмеялась, подумав, что ей невероятно повезло с подругой.

Кино оказалось ужасным.

Администрация назвала это «особый вечер под открытым небом». Проектор на террасе, пледы, корзины с попкорном и лимонадом. На практике это означало, что подростков рассадили на шезлонгах перед экраном размером с половину стены главного корпуса и предложили два часа наблюдать за чужими страданиями.

Мелодрама рассказывала о людях, которые умирали красиво и исключительно под музыку. Они признавались друг другу в любви под дождём, говорили длинными монологами, не перебивая друг друга, и выглядели так, будто даже в больнице успевали укладывать волосы и наносить макияж.

— Никто так не разговаривает, — прошептала Хлоя.

— Зато красиво, — возразила Октавия, не отрывая взгляда от экрана.

— Если я когда-нибудь скажу мужчине «Без тебя я не дышу», пристрелите меня.

— С удовольствием, — отозвался Марко.

— Спасибо, Марко.

— Я всегда поддерживаю друзей.

— Особенно в вопросах убийства, — добавил Дэн.

Марко с достоинством кивнул:

— Особенно в вопросах убийства.

Ханна тихо рассмеялась. Октавия закатила глаза.

— Вы все безнадёжны.

— Нет, — возразила Хлоя. — Мы просто выросли в мире, где нельзя умереть от любви. Максимум от собственной глупости.

— Говори за себя, — сказал Марко.

— Я и говорю.

Экран снова залило дождём. Главный герой бежал через аэропорт. Главная героиня плакала так красиво, что даже потёкшая тушь лишь подчёркивала миловидность её личика.

Где-то ближе к середине фильма Крис наклонился к Ханне. Достаточно близко, чтобы она почувствовала знакомый запах солнцезащитного крема и хлорки.

— Спорим, они всё-таки поженятся?

Она не повернула головы.

— Спорим, кто-нибудь умрёт.

— Ты слишком циничная.

— А ты слишком оптимистичный.

Крис хмыкнул. Несколько секунд они молчали, глядя на экран. Потом он тихо добавил:

— Именно поэтому мы дружим.

Ханна почувствовала, как внутри что-то болезненно сжа-

лось и одновременно успокоилось.

«Возможно, — подумала она, — этого достаточно. Возможно, некоторым людям не обязательно становиться чем-то большим. Иногда достаточно того, что они есть.»

На экране героиня всё-таки умерла. Очень красиво и, конечно, под драматическую музыку.

Октавия плакала, не особенно скрываясь. Хлоя делала вид, что её раздражает сюжет.

— Это эмоциональный шантаж, — прошипела она, вытирая глаза рукавом.

— Ты плачешь? — удивился Дэн.

— У меня линза пересохла.

— Ты не носишь линзы.

— Просто заткнись.

Марко же уснул ещё минут двадцать назад и теперь тихо похрапывал, уронив голову на плечо Адаму. Тот безуспешно попытался столкнуть его локтем. Крис шмыгнул носом. Ханна повернулась к нему.

— Ты плачешь?

— Нет.

— Крис.

— У меня аллергия на ночной воздух.

— Очень выборочная аллергия.

— Не начинай.

— Ты плачешь из-за ужасной мелодрамы.

— Я плачу от того, что Марко храпит мне в ухо.

Марко всхрипнул особенно выразительно.

Крис выдержал паузу.

— Видишь?

Ханна засмеялась, не став спорить.

Крис посмотрел на неё и улыбнулся в ответ. Легко, привычно, будто так было и будет всегда. Тогда ей казалось, что некоторые вещи не меняются. Например, лето, дружба и люди, которых знаешь почти половину своей жизни.

— Все сюда! — крикнул кто-то со стороны террасы. — Групповое фото!

В ответ раздался дружный стон. Подростки нехотя потянулись к ступеням главного корпуса.

— Ближе! — скомандовала девушка из администрации, вооружённая фотоаппаратом. — Вас не видно!

— Идеально, — простонал Марко. — Ещё одно доказательство моего существования.

— Будто предыдущих было мало, — заметил Дэн.

— История должна знать своих героев.

— История сделает вид, что тебя не было, — сказала Хлоя.

Марко схватился за сердце.

— Жестоко.

— Зато честно, — пожал плечами Дэн.

Крис уже устроился где-то в центре композиции. Просто люди как-то сами расступались, оставляя ему место. Адам

толкнул его плечом.

— Подвинься. Ты заслоняешь солнце.

— Завидууй молча.

— Я бы с удовольствием, но ты слишком высокий.

— И слишком красивый, — добавил Крис.

— Сам себя не похвалишь...

— ...будешь жить в мире, полном несправедливости.

Адам фыркнул и всё-таки встал рядом. Ханна уже пыталась незаметно отступить назад.

— Нет, — сказала Хлоя, цепляя её за запястье.

— Почему?

— Потому что потом будешь жаловаться, что тебя нет ни на одной фотографии.

— Потому что меня и не должно быть ни на одной фотографии.

— Ханна.

— Хлоя.

— Эйхенвальд.

— Биркин.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Хан, идём сюда! — позвал Крис, прерывая эту небольшую драму.

— Если через десять лет я увижу это фото, я умру от стыда, — Ханна всё же встала рядом с ним. Хлоя рядом. Октавии пришлось отступить вглубь. Она сделала это с непринуждённой улыбкой.

— Через десять лет, — заявил Крис, — я буду богатым и красивым.

— Ты уже богатый и красивый, — отозвалась Октавия.

— Значит, просто... Ещё более богатым и ещё более красивым.

Октавия рассмеялась. Марко тут же попытался втиснуться между ней и Дэном.

— Тогда я тоже хочу быть красивым и богатым.

— Для начала перестань есть кетчуп с макаронами, — сказал Дэн.

— Никогда.

— Вы готовы? — крикнула девушка с фотоаппаратом.

— Нет! — одновременно ответили несколько голосов.

— Отлично!

Она подняла камеру. Кто-то моргнул. Марко скорчил ро- жу. Дэн попытался оттолкнуть его локтем. Хлоя в последний момент поправила волосы. Октавия повернулась чуть выгоднее к свету по привычке человека, которого часто фотографировали. Крис засмеялся над какой-то репликой Адама. Ханна, стоя между Хлоей и Крисом, успела подумать, что это и есть фотография лета.

Того самого.

Первого настоящего лета, когда они уже не дети, но ещё не взрослые. Когда дружба кажется вечной, родители — незыблемыми, а впереди существует только что-то хорошее.

Лета, которое никогда не закончится.

Щёлкнул затвор.

На фотографии они улыбались, как улыбаются люди, уверенные, что впереди у них целая счастливая жизнь.

В середине июля «Вершина» начала выполнять своё главное предназначение.

Детям состоятельных родителей перестали продавать это как каникулы. Им начали продавать будущее.

По четвергам приезжали разные гости: владельцы компаний, юристы, финансисты, люди, чьи фамилии звучали в новостях. Они рассказывали о лидерстве, рисках и правильных знакомствах.

Один мужчина из инвестиционного фонда говорил о том, что репутация — самый ценный актив.

Женщина, управлявшая сетью клиник, уверяла, что главное — эмпатия.

Все они улыбались так, будто успех был вопросом правильного выбора факультета.

— Никто никогда не скажет «Чтобы добиться успеха, иногда приходится быть сволочью», — шепнула Хлоя.

— Потому что тогда родители перестанут платить за путёвки, — ответил Дэн.

Адам крутил ручку между пальцами.

— Нет, они просто называют это стрессоустойчивостью.

Крис усмехнулся.

— Если честно, половина этих лекций сводится к одному:

родитесь у правильных людей.

— Вот, — кивнула Хлоя. — Хотя какая-то честность.

— Я вообще очень честный человек.

— Нет, — одновременно ответили Дэн и Адам.

Ханна, поймав взгляд Криса, улыбнулась.

Июль плавился. Воздух в «Вершине» стал густым, пропитанным ароматом нагретой сосновой смолы и дорогих духов. Подростки вели себя так, будто им принадлежал мир. Громкие вечеринки на верандах, тайные вылазки к озеру, шампанское. Крис был в центре всего этого — сияющий, загорелый, небрежно опасный. Октавия вилась вокруг него как кобра, но Ханна видела: он по-прежнему искал глазами её. Каждый раз, когда Ханна проходила мимо, он ловил её взгляд. Это была их невидимая нить, всё ещё не порванная.

Жара окончательно добила июль в последнюю неделю месяца. После обеда никто уже не притворялся заинтересованным ни в скалодроме, ни в мастер-классах. Они стихийно собрались у ворот. Как это бывает, когда никто ничего не планировал, но все вдруг оказались в одном месте с одинаковым желанием куда-нибудь деться от духоты корпусов. Марко знал тропу к дальнему берегу озера, где деревья росли гуще и можно было лежать в тени, притворяясь, что делаешь что-то важное.

Крис сидел на поваленном стволе, запрокинув голову, и спорил с Дэном о вчерашнем фильме.

— Главный герой идиот.

— Он был влюблён.

— Это не взаимоисключающие понятия.

— Ты просто бесчувственный.

— А ты романтизируешь чужие психические расстройства.

Адам бросал в воду сосновые шишки, пытаясь попасть в торчащий из воды камень.

Ханна лежала на траве рядом с Хлоей, шурилась на солнечные пятна между ветками и думала, что вот оно — то самое лето, про которое потом вспоминают всю жизнь.

Она почти решилась.

Прямо сейчас. Встать, подойти, сказать что-нибудь такое, после чего отступить будет некуда.

Хлоя толкнула её локтем.

— Ты опять громко думаешь, — сказала она, не открывая глаз.

— Заткнись.

— Просто сделай это.

Ханна посмотрела на Криса. Он смеялся над чем-то, что сказал Адам. Солнце цеплялось за его волосы. Ханна вдруг подумала, что если он сейчас скажет «нет», то она это переживёт. Будет больно и стыдно, но жизнь не закончится.

Ханна открыла рот. В кармане завибрировал телефон. Не сейчас. Не судьба.

Ханна нащупала телефон. Сообщение от матери.

«Как дела? Не пропускаешь занятия?»

Ханна смотрела на экран пару секунд. Заблокировала его, не отвечая. Потом. У неё ещё было полно времени.

Через пару минут к ним присоединилась Октавия. Принесла тарелку черешни. Засмеялась над чем-то, что сказал Марко. Устроилась рядом с Крисом так естественно, словно всегда сидела именно там. Ханна почувствовала знакомый укол ревности. И тут же разозлилась на себя.

Завтра, подумала Ханна. Завтра точно.

Она скажет ему обо всём.

О любви. О том, что устала ждать подходящего момента. О том, что хочет хотя бы получить честный ответ.

Завтра.

Вернулись они уже под вечер. Солнце медленно проваливалось за верхушки сосен. Кто-то впереди смеялся. Марко с Дэном спорили о дороге обратно. Адам пытался доказать, что знает короткий путь. Хлоя жаловалась на комаров. Крис шёл чуть позади и что-то рассказывал Октавии.

Ханна чувствовала на коже липкую влажность, предвещавшую грозу. Впервые за всё лето ей показалось, что воздух стал слишком тяжёлым.

Она уже почти открыла рот, чтобы пошутить про конец света, когда заметила странность. Обычно в это время территория жила своей жизнью. Кто-то возвращался с тенниса, кто-то тащил полотенца из бассейна, кто-то сидел на ступенях корпусов, уткнувшись в телефоны. Из открытых окон

доносились голоса. Хлопали двери.

Сейчас дорожки были пустыми.

— Странно, — пробормотала Хлоя.

— Может, ужин перенесли? — предположил Марко.

— Или наконец-то объявили, что все свободны и могут ехать домой, — мечтательно сказал Дэн.

— Тогда бы нас встретили шампанским, — отозвался Крис.

— И речью о том, какое мы потерянное поколение, — добавил Адам.

Октавия рассмеялась. Никто не ускорил шаг.

Холл главного корпуса встретил их привычной прохладой кондиционеров. На первый взгляд всё выглядело обычно. Несколько подростков сидели на диванах. Кто-то пил воду из бумажного стаканчика. Две девочки шептались у стойки. Потом Ханна заметила охранников. Одного. Второго. И выражения лиц.

Разговоры затихали один за другим, словно кто-то медленно убавлял громкость.

— Все сюда, — сказал управляющий.

И никто не спросил зачем.

— Господи, — пробормотал Марко. — Только не лекция.

— Может, кто-то утопил Бланка в озере, — предположил Дэн.

Адам тихо фыркнул.

— Тогда нас бы уже отпустили по домам.

Крис зевнул.

Подростки нехотя собрались в центре холла. Тишина стояла такая, что было слышно ровное гудение кондиционера под потолком.

Перед ними, сцепив руки за спиной, встал управляющий — плотный мужчина лет пятидесяти, которого Ханна раньше видела только мельком. Его идеальный костюм казался слегка помятым, а на лице подрагивали желваки.

Рядом замерли двое охранников.

— Сегодня в пансионате произошло серьёзное происшествие, — произнёс управляющий наконец. Голос у него был ровный. Таким голосом сообщают о переносе мероприятия или изменениях в расписании.

— Нанесён значительный ущерб. Материальный и репутационный. Это не детская шалость и не случайность.

Он сделал паузу.

— Однако ошибки случаются. Мы понимаем, что вы ещё дети. Если виновный выйдет вперёд сейчас, последствия будут значительно мягче. Самое правильное решение в подобных ситуациях — честность.

Никто не двинулся. Кто-то нервно кашлянул. Где-то позади тихо хихикнули и тут же замолчали.

Ханна почувствовала, как Хлоя задела её плечом.

— Это же не про нас? — едва слышно спросила она.

Ханна даже удивилась вопросу.

— Конечно нет, — шепнула она в ответ.

Она была у озера. Они все были у озера. Через несколько минут всё закончится.

Управляющий коротко выдохнул. Разочарованно.

— Что ж, — сказал он и медленно пошёл вдоль шеренги.

Ханна заметила момент, когда его взгляд нашёл её. За шаг до того, как он остановился. В этом взгляде не было поиска. Только подтверждение того, что уже было решено где-то раньше. Он остановился напротив.

— Эйхенвальд.

Ханна не сразу поняла, что речь идёт о ней.

— Простите?

— Молчишь, — негромко произнёс он. — Тебе дали возможность. Ты стояла и молчала, пока все ждали. Это был твой шанс, и ты его упустила. Что я должен из этого заключить?

— Я не понимаю, о чём вы говорите, — собственный голос показался Ханне чужим. — Я была у озера. Я вообще не...

— Ты была у озера, — повторил он с усталой интонацией человека, который уже слышал всё на свете. — Конечно. Никто ничего не делал. Все были у озера, в душе, в другом корпусе. Думаешь, это звучит убедительно?

— Это правда.

— Ханна, — он произнёс её имя. Чуть мягче. Почти участливо. — Я работаю с детьми тридцать лет. Я видел всякое. И я знаю разницу между ребёнком, который действи-

тельно ничего не знает, и ребёнком, который рассчитывает, что ему всё сойдёт с рук, — он помолчал секунду. — Просто наблюдение.

— Это неправда, — сказала Ханна. Горло сжалось, но она продолжила. — Я не знаю, что случилось. Я клянусь, я...

— Нет, — вмешалась Хлоя. — Это какая-то ошибка.

Управляющий даже не посмотрел в её сторону.

— Достаточно, — произнёс он. — Всё остальное в кабинете директора.

— Подождите...

Но он уже разворачивался. Двое сотрудников возникли по бокам. Не грубо и не касаясь её, просто оказались рядом.

И пространство вокруг неё вдруг изменилось.

Ханна обернулась.

Марко выглядел растерянным. Дэн нахмурился. Адам открыл рот, будто собирался что-то сказать, и тут же закрыл. Хлоя смотрела на неё с открытым ужасом, с той беспомощностью, которая бывает, когда хочешь что-то сделать и физически не можешь. Октавия что-то быстро шептала соседке, прикрывая рот ладонью.

Крис не смотрел на неё. Не на управляющего. Ни на кого. Он смотрел в сторону.

И именно тогда Ханна на долю секунды испугалась настоящего.

Она шла по коридору и думала: сейчас зайдём, разберёмся, через двадцать минут всё объяснится.

Это ошибка. Такие вещи случаются. Она ни в чём не виновата, а значит, ей нечего бояться.

Дверь в кабинет Лоренса Бланка была приоткрыта. Он стоял у окна спиной к ней. Обернулся, когда Ханна вошла. Посмотрел на неё без выражения.

Дверь за её спиной закрылась. Щёлкнул замок. Ханна вздрогнула от этого звука и тут же разозлилась на себя.

Господи. Её не собирались сажать в тюрьму. Через полчаса всё закончится. Она объяснит. Ей поверят. Потому что взрослые могут ошибаться. Но если сказать им правду, они обязательно всё исправят.

Так ведь это работает.

Ханна всё ещё в это верила.

2. Птичка в клетке

Дверь за спиной щёлкнула, и звук этот ещё долго стоял у Ханны в ушах, хотя в кабинете уже не было никакой двери — только окно, стол и человек, который не смотрел на неё.

Бланк что-то говорил по телефону, тихо и быстро, прикрывая трубку ладонью, будто это могло помочь. Ханна слышала обрывки — «инцидент», «минимизировать», «пока не уляжется» — и ничего не понимала, потому что слова эти были из какого-то совершенно другого языка, не имеющего отношения к ней. Она сидела на краю кресла, слишком прямо, слишком напряжённо, и ждала, когда кто-нибудь наконец скажет «это ошибка, ты свободна».

Этого не сказал никто.

Дальше — коридор, пахнувший хлоркой и свежей краской. Чёрный ход, о существовании которого она даже не подозревала. Человек, который её вёл — не директор Бланк, не управляющий, не охранник из холла. Кто-то другой, обычный до полной незаметности, в простой футболке без единого опознавательного знака, без бейджа, без имени. Он не сказал ей ни слова. Просто шёл, держа её за локоть, чтоб не убежала.

Заброшенная оранжерея стояла за огороженной территорией. Там, где уже начался лес. Старое стеклянное строение, оставшееся, видимо, от прежних хозяев земли. Ещё до «Вер-

шины», до Бланка, до всего этого глянца. Стёкла были мутными от многолетней пыли и разводов, кое-где затянутыми сухим плющом. Тяжёлая дверь с облупившейся краской, которую он открыл своим ключом, втолкнул её внутрь почти без усилия.

Щёлкнул замок. Не висячий. Ханна машинально, уже в темноте, провела пальцами по двери и нащупала обычную скважину, ту, что встроена прямо в полотно. Дверь как дверь. Просто запертая.

Шаги стихли почти сразу. Тишина, которая осталась, была такой плотной, что в первые минуты Ханна слышала собственное дыхание громче, чем что-либо вокруг.

Темнота внутри казалась другой, чем темнота снаружи. Гуще. Без единого уличного фонаря, который мог бы пробиться сквозь грязное стекло. Ханна стояла там, где её оставили, и довольно долго просто пыталась понять, что вообще произошло за последний час. Память выдавала это рваными кадрами: холл, фамилия, кабинет, дверь. Между кадрами — провалы.

«Это какая-то ошибка, — повторяла она себе с упрямством, которое ещё не успело треснуть. — Сейчас кто-нибудь спохватится. Позвонят родителям. Утром во всём разберутся, и мне ещё придётся краснеть перед всеми за этот цирк».

Она даже представила себе, как через пару дней они с Хлоей будут смеяться над тем, какой это был абсурд, как

Крис скажет что-то вроде «ну ты даёшь, Эйхенвальд» с этой своей фирменной усмешкой, и всё снова станет нормальным. Мысль была настолько убедительной, что на пару минут почти успокоила дыхание.

Потом снова навалилось. Очевидным ощущением внизу живота, безо всякого предупреждения. Просто естественный позыв. С каждой секундой терпеть становилось невыносимее.

Ханна решилась. Идти пришлось почти на ощупь, выставив руки перед собой. Под ногами хрустела то ли битая плитка, то ли осколки старых горшков. Она нашла угол подальше от того места, где, как ей казалось, она стояла раньше, и устроилась там, чувствуя себя одновременно нелепо и униженно. Сам факт необходимости делать это здесь был ещё одним доказательством того, что происходящее реально.

Возвращаясь обратно — снова на ощупь, снова с вытянутыми руками, — она наткнулась на что-то мягкое, обитое тканью, и чуть не вскрикнула от неожиданности. Кресло. Старое, явно простоявшее тут не один сезон, с продавленным сиденьем и подлокотником, из которого торчала вата, но кресло. Что-то, на чём можно сидеть, а не стоять посреди темноты, как идиотка.

Ханна стряхнула с него мусор и опустилась в него, поджав под себя ноги и обхватив колени руками.

«Завтра, — думала она, и от этого слова становилось легче, как от заклинания. — Завтра меня выпустят. Извинятся,

может быть. Или нет. Может, просто откроют дверь и сделают вид, что ничего не было. Они так умеют. Главное, что это не может продолжаться больше одного дня. Просто не может.»

Она ещё не знала, что именно эта мысль будет преследовать её следующие недели, повторяясь и истираясь, как старая монета.

Сон забрал её незаметно, где-то на середине очередного «завтра меня точно выпустят». Резко, как отключают свет.

Проснулась она от жары.

Тело было липким, майка прилипла к спине, а сквозь грязное стекло над головой било яркое и безжалостное солнце, превращающее оранжевую в подобие духовки. Теперь, при свете, пространство наконец обрело очертания: длинные ряды пустых грядок без единого живого растения, ржавые остовы металлических стеллажей, перевёрнутые горшки, моток шланга в углу, похожий на дохлую змею. Высокий потолок, сквозь который проглядывалось небо.

Хотелось пить так, что во рту стоял привкус металла.

Ханна подошла к ближайшей стене — той, что выходила на тропинку, — и долго рассматривала шов между панелями. Где-то в подкорке всплыло видео, которое она когда-то смотрела вместе с Хлоей: как разбивают автомобильное стекло, ударяя чем-то острым точно в угол, в самую слабую точку. Она подобрала с пола обломок кирпичной крошки, поточнее прицелилась и ударила.

Звук вышел глухим, неубедительным. Ещё раз. И ещё. Ладонь заболела раньше, чем стекло хотя бы покрылось трещиной — то ли оно было слишком толстым, то ли армированным изнутри тонкой сеткой, которую она различила, только прижавшись лицом вплотную. Она ударяла снова и снова, пока не ободрала костяшки, и наконец опустилась на корточки прямо у стены, тяжело дыша, чувствуя, как глупо и по-детски выглядела бы со стороны эта попытка. Если бы вообще была сторона, с которой на неё бы кто-то смотрел.

Стекло не поддавалось. Ладонь начинала неметь раньше, чем появлялась трещина. Ханна осела у стены, привалившись затылком к раме, и тут вспомнила про скважину. Обычная, не врезной механизм с кодом, не навесной замок с дужкой. Просто скважина, встроенная в дверь, такая же, как дома, в её собственной комнате, которую она открывала сто раз ключом размером с мизинец.

В фильмах это всегда выглядело просто. Шпилька, скрепка, два движения и щелчок. Должно быть, что-то похожее можно найти и здесь.

Она обошла оранжерею заново, на этот раз перебирая всё, что попадалось под руку. Ржавый каркас стеллажа отдал ей кусок тонкой проволоки, погнутой почти пополам, въедающейся ржавчиной в кожу пальцев. Подошло бы. Должно было подойти.

Присев перед дверью, Ханна вставила проволоку в скважину и попробовала повторить то, что когда-то видела на

экране — покрутить, надавить, нащупать сопротивление. Внутри что-то скрипнуло, едва уловимо, и на секунду ей показалось, что получилось. Сердце бухнуло о рёбра.

Ничего не произошло.

Она попробовала снова. Под другим углом. Глубже. Резче. Проволока всякий раз утыкалась в одно и то же место — какой-то внутренний выступ, который не желал поддаваться ни уговорам, ни силе. В какой-то момент проволока согнулась окончательно, потеряв и без того сомнительную форму, и Ханна просто стояла на коленях перед дверью, сжимая в кулаке бесполезный кусок металла, чувствуя, как глупость происходящего накрывает её с головой.

Она не знала, как вскрывают замки. Знала только, что в кино это выглядит легко, а кино, как выяснилось буквально на днях, врёт почти обо всём.

Саднили те же костяшки, что она разодрала о стекло час назад. Она зализала царапину, солёную и металлическую на вкус, и долго сидела так, спиной к двери, пока к горлу подкатывало что-то среднее между смехом и тем, что вот-вот превратится в слёзы.

«Замок как замок, — подумала она с почти истеричной горечью. — Просто запертая дверь. Я столько раз открывала такие двери. Просто не с этой стороны.»

Будто в ответ на эту мысль, с другой стороны двери раздался звук шагов.

Он появился без предупреждения. Просто приоткрыл

вентиляционный люк, встроенный в раму, и бросил через него бутылку воды. Тот же человек, что привёл её сюда вечером.

При свете он оказался ещё более никаким, чем в темноте. Среднего роста, среднего сложения и из тех людей, чьё лицо забываешь раньше, чем они успевают отойти на пару шагов. Бесцветная футболка поло без единой надписи. Кепка, низко надвинутая на лоб, будто специально для того, чтобы тень падала на глаза. Никакого бейджа, никакого имени — ни вышитого, ни произнесённого. Он уже держал в одной руке телефон, направленный на неё.

— Подождите, — Ханна вскочила, шагнула к нему. — Пожалуйста, кто вы? Что происходит? Мне нужно позвонить родителям, это какая-то ошибка...

Он не ответил. Просто продолжал держать телефон поднятым, методично снимая её, как снимают улику или доказательство для отчёта.

— Эй! Вы меня слышите? Скажите хоть что-нибудь!

Ничего. Ни кивка, ни взгляда, который задержался бы на ней дольше секунды. Он будто выполнял пункт инструкции — бросить воду, снять, уйти — и ни один из этих пунктов не предполагал её как живого человека, способного что-то спросить.

Опустил руку, убрал телефон. Ушёл.

Ханна бросилась к воде, открутила крышку дрожащими руками и пила жадно, захлёбываясь. Когда бутылка опустела

наполовину, она заставила себя остановиться. Трезвая часть мозга подсказывала, что вторую половину стоит растянуть, хотя на сколько именно растягивать, она ещё не позволяла себе додумать.

Ханна снова опустилась в кресло, прижимая бутылку к груди, как что-то драгоценное, и попыталась убедить себя, что молчание этого человека ничего не значит. Может, ему просто запретили разговаривать. Может, он сам не знает, что происходит. Простой работник, которому сказали отнести воду и больше ничего не объяснили. Может быть, во всей этой истории даже виновата Октавия. Мало ли что та могла натворить, прежде чем свалить на первую попавшуюся.

Мысли крутились по кругу, не находя опоры. В какой-то момент Ханна вспомнила про сообщение от мамы. Вчерашнее у озера.

«Как дела? Не пропускаешь занятия?»

Она тогда заблокировала экран, не ответив. У неё, видите ли, было «полно времени».

Сейчас это казалось самой большой глупостью в её жизни. День превратился в пытку задолго до полудня.

Стекло, которое ночью казалось преградой, днём стало ловушкой совершенно другого рода. Оно копило солнце, как линза, и не выпускало его обратно. Воздух внутри сделался густым, почти осязаемым. Пот скатывался по вискам, не успевая высохнуть. Ханна сидела как можно ближе к щели в дверной раме, где, как ей казалось, было хоть на градус про-

хладнее, и считала минуты. Потом перестала, потому что от этого становилось только хуже.

К вечеру, когда солнце наконец скользнуло за деревья и духота начала спадать, она впервые за день вдохнула полной грудью без ощущения, что лёгкие сейчас откажут. Облегчение было таким острым, что на мгновение даже вытеснило страх.

Она снова уснула в кресле. Также резко без перехода.

Следующее пробуждение снова было от жары. Тело будто начало запоминать это как единственный будильник, который у него остался.

Появилась новая проблема, гораздо более унижительная, чем все предыдущие. Терпеть удавалось почти весь день. Ровно до того момента, когда терпеть стало физически невозможно. Ханна долго сидела, зажмурившись, будто это могло помочь, прежде чем заставила себя встать и осмотреть оранжерею заново, теперь уже целенаправленно, а не на ощупь. В дальнем углу, за стеллажами, она наткнулась на то, что вчера показалось ей бесполезным хламом. На старую лопату с облезлым черенком, прислонённую к стене среди прочего садового мусора. Вчера она прошла мимо неё равнодушно. Сегодня лопата оказалась едва ли не самой важной вещью в её жизни.

Земляной пол поддавался плохо, ссохшийся за годы запустения, но поддавался. Она выкопала яму в самом дальнем от кресла углу, настолько далеко, насколько позволяло про-

странство. Потом долго сидела, чувствуя то ли облегчение, то ли что-то близкое к отчаянию, для которого не нашла названия.

Кресло она в итоге переставила ближе к двери. Не столько из практических соображений, сколько потому, что оттуда было слышно малейший шорох снаружи. Любой звук шагов означал хоть какую-то связь с внешним миром, пусть даже эта связь молча кидала в неё бутылками.

В этот раз он пришёл вечером, когда тени уже вытянулись через всю оранжерею. Та же процедура: бутылка, телефон, тишина в ответ на вопросы и мольбы. Бесполезно. Слова, обращённые к нему, разбиваются о ту же пустоту, что и кирпич об стекло. Может, он глухонемой?

Ушёл.

Ханна не успела даже подняться с кресла, чтобы забрать бутылки, как снаружи послышался другой звук. Лёгкий, торопливый, совсем не похожий на размеренные шаги её безымянного тюремщика.

— Хан? — прошептал голос с той стороны двери, едва слышно, будто боялся собственного звука. — Хан, это я. Пожалуйста, скажи, что ты здесь.

Ханна замерла, не веря собственным ушам.

— Хлоя?

— Да, — выдохнула та, и мелькнула тень за мутным стеклом. — Господи, ты тут. Ты правда тут.

Голос подруги сорвался на последнем слове, и в нём было

столько ужаса и облегчения одновременно, что у Ханны самой перехватило горло.

Хлоя втиснула сквозь щель смятый пакет, который еле пролез. Внутри обнаружились шоколадка, пачка крекеров, контейнер с ужином, маленькая свёрнутая до предела подушка и тонкий плед.

— Я выследила его, — зашептала Хлоя, присев на корточки с той стороны, лицо почти вплотную к стеклу. Она звучала так, будто не спала двое суток. — Он каждый день ходит одной дорогой. Я шла за ним от самого корпуса.

— Хлоя, — выдохнула Ханна с облегчением, держа подушку обеими руками как самую ценную вещь. — Что вообще происходит? Что им нужно от меня?

— Не знаю, — Хлоя помолчала, сникнув. — Они сказали, что ты... Хан, они сказали, что ты ушла в лес. Что тебя нет.

Ханна смотрела на неё.

— Что значит нет?

— Ну... Что ты убежала после разговора с директором. Что тебя искали. Что нашли вещи у озера, но не тебя. Что, — короткая пауза, Хлоя нервно теребила пальцы, — что, видимо, не выдержала позора.

Где-то снаружи пел дурацкий вечерний кузнечик.

— Это бред, — сказала Ханна. — Я здесь.

— Я знаю, что ты здесь.

— Это Октавия, — мысли начали выстраиваться сами. — Она узнала про Криса, решила показать, кто тут главный, и

как-то подговорила Бланка, и—

— Может быть, — согласилась Хлоя.

— Это же очевидно пранк. Такой... жестокий, но пранк. Они не могут просто—

— Конечно, — горько сказала Хлоя, коснувшись мочки уха. — Конечно могут, Хан. Им всё можно.

Снаружи что-то хрустнуло — то ли ветка, то ли просто звук леса, — и Хлоя резко осеклась.

— Мне нужно идти, — прошептала она. — Я вернусь, обещаю. Просто... держись, ладно? Просто держись.

— Хлой, подожди, — позвала Ханна, прижавшись к двери. — Принеси салфетки. Для... гигиены.

— Хорошо, — удаляющимся шёпотом отозвалась она.

И тень за дверью исчезла так же быстро, как появилась, оставив после себя только звук удаляющихся шагов и Ханну, сидящую на земле с прижатой к груди подушкой, которая пахла чужим бельевым порошком и казалась сейчас самой ценной вещью на свете.

Дни в оранжерее вскоре перестали быть днями. Они слиплись в одну вязкую массу. Жара, жажда, скрип несуществующей двери, которая на самом деле была всего лишь люком в раме. Ханна довольно быстро перестала пытаться отделить один от другого. Сначала это пугало её. Потеря счёта казалась почти такой же страшной, как сама клетка. А потом перестало, потому что бояться этого тоже стало непозволительной роскошью среди прочих, более срочных проблем.

Ночами оранжерея обзаводилась собственными звуками, которых не было днём, или просто неслышными за жарой и духотой. Шорох где-то в дальних стеллажах, осторожный, прерывистый, будто что-то маленькое и пугливое перебирало лапками по ржавому металлу. Ханна замирала каждый раз, сжимая в руке черенок лопаты — единственное, что хоть отдалённо годилось в оружие, — и вслушивалась так напряжённо, что начинала слышать собственную кровь в ушах.

Звук обрывался. Потом возникал снова, в другом углу. Она так и не узнала, что это было. Крыса, птица, залетевшая когда-то и не нашедшая дороги обратно, ветер в дырявой крыше? Несколько раз ей казалось, что в темноте что-то движется ближе, чем должно, ближе, чем позволяло расстояние от кресла до стены. Тогда она просто сидела, не дыша, пока тишина не возвращалась сама, безо всякой причины, так же необъяснимо, как до этого её нарушила.

Ничего так и не вышло из темноты, но это не делало ночи менее долгими.

Тюремщик — как она мысленно его именovala — приходил раз в день. Открывал люк, бросал бутылку, иногда добавлял что-то завёрнутое в фольгу, безвкусное и сухое, с безразличием снимал на телефон и уходил. Ханна выучила его шаги. Могла отличить их от шагов Хлои за добрых десять метров. Это открытие однажды показалась ей настолько диким, что она почти рассмеялась вслух.

«Я различаю шаги своего тюремщика. Замечательный но-

вый навык. Надо будет вписать в резюме».

Несколько раз она пробовала иначе. Не мольбы, которые уже доказали свою бесполезность, а сделку. «У моего отца есть деньги, — говорила она, пока он снимал её на телефон. — Много денег. Просто позвони, скажи, где я, и тебе заплатят больше, чем платят сейчас, я обещаю...» Слова сыпались сами, неловкие и наивные. Как у человека, который всю жизнь видел, что деньги решают всё, и искренне не понимал, почему это вдруг перестало работать. Она предлагала украшения. Предлагала позвонить отцу прямо сейчас.

Он ни разу не дал понять, что слышит её. Ни кивком, ни паузой в движении телефона. Тогда она поняла, спустя ещё несколько бессмысленных попыток, что дело было не в сумме. Деньги ничего не решали, если у человека уже была причина молчать. Похоже, более весомая, чем любая цифра, которую она могла предложить.

Хлоя же приходила реже, чем хотелось бы, но регулярнее, чем Ханна смела надеяться. В один из визитов протолкнула через люк пачку влажных салфеток и начатую бутылку какого-то лосьона.

— Извини, что не сразу, — прошептала она виновато, будто оправдываясь за то, что принесла недостаточно.

— Это уже спасение, — выдохнула Ханна, прижимая пачку к груди почти с той же нежностью, с какой раньше прижимала подушку.

Спасением это, конечно, не было. Просто чем-то, что поз-

воляло хотя бы делать вид.

Грязь набиралась слоями, и Ханна не сразу поняла, что именно это выматывало её сильнее всего остального. Не голод, не духота, не страх. Именно невозможность почувствовать себя чистой.

Она методично протирала себя салфетками. По частям, экономя их, как экономила воду. Лицо, шею, подмышки, между лопаток, куда смогла дотянуться, потом бёдра, ноги, но ниже колен не видела смысла спускаться. Иногда лила на руку немного воды из бутылки и растирала ею кожу там, где салфетки уже не справлялись. Становилось немного легче. На полчаса, может, час. Потом пот снова склеивал кожу с тканью майки. Пыль от земляного пола оседала на влажных местах, превращаясь в тонкую серую корку, и без того иллюзорное ощущение чистоты испарялось вместе с водой.

Волосы свалились в неопрятные пряди, которые она то заплетала, то распускала, не находя в этом никакого смысла, кроме того, что руки требовали хоть какого-то занятия. Под ногтями скопилась земля от лопаты, от стен, от всего, к чему она прикасалась. Ханна разглядывала свои руки в те редкие минуты, когда свет падал удачно, и не узнавала их.

В один из особо душных дней разразилась настоящая гроза. Тем ливнем, который превращает землю в кашу за считанные минуты. Вода нашла дорогу через то ли щель, то ли трещину в одной из верхних панелей и закапала прямо на земляной пол тонкой, но настойчивой струйкой. Ханна, не

думая, подставила под неё перевёрнутый горшок. Она простояла так неизвестно сколько времени. Весь день или всего час? Горшок наполнился, а потом ещё один. Когда воды набралось достаточно, Ханна вымылась. Если это можно было так назвать, по-настоящему, насколько это было возможно без мыла и тёплой воды, стоя посреди оранжереи, дрожа то ли от холода, то ли от облегчения. Это были, кажется, лучшие пятнадцать минут за всё время.

Потом гроза прошла. Мелкий дождь периодически навещал её, но пользы от него не было никакой.

Хуже всего оказался запах. Не сразу, поскольку в первые дни она слишком была занята самим фактом ямы, чтобы думать о чём-то ещё. Но чем дольше тянулось время, тем настойчивее становилось ощущение, что воздух в дальнем углу — там, где она перекапывала и забрасывала землёй каждый раз заново, — пропитан чем-то, что не выветривается. Разумом она понимала, что запаха почти нет, она же закапывает, этот угол так далеко, насколько позволяет пространство. Но тело не слушало разум. Стоило сквозняку качнуться в ту сторону, и ей казалось, что она чувствует его — кислый, землистый, унижительный, — даже когда там объективно ничего не могло пахнуть.

Она ловила себя на том, что во время самых нелепых, самых отчаянных моментов, когда пыталась прикинуть план побега, перебирая в уме все способы выбить эту чёртову дверь или разбить стекло, мысль обрывалась на полпути ка-

ким-нибудь совершенно низменным сигналом тела.

Хочется пить. Хочется в угол. Кажется, опять пахнет. Каждый раз было одинаково унижительно. Не сама нужда, а то, с какой лёгкостью она перебивала всё остальное. Все красивые, гордые, отчаянные мысли о спасении схлопывались за долю секунды перед банальной физиологией, будто напоминая — ты не героиня книги. Ты просто тело, которое хочет пить, хочет в туалет, хочет быть чистым, и ничего из этого не делает тебя сильнее или умнее, это просто то, что есть.

Она возненавидела это первой настоящей, взрослой ненавистью в своей жизни.

Был ещё один план, который Ханна обдумывала несколько суток подряд с тем извращённым упрямством, на которое способен только смертельно уставший мозг: что если просто перестать есть? Меньше еды — меньше нужды в углу. Логика выглядела безупречной ровно до тех пор, пока она не вспоминала, что и так ела впроголодь. Удивительным образом это почти ничего не меняло. Тело продолжало требовать своего с той же неумолимой регулярностью. Унижение никуда не девалось, просто добавлялось к голоду, а не вычиталось из него.

В один из таких дней, лёжа в кресле и пытаясь не думать ни о чём конкретном, она вдруг поймала себя на странной, почти суеверной надежде. Может, от стресса всё это вообще остановится. Она читала где-то — может, в журнале, может, слышала где-то, — что у организма есть такая защитная ре-

акция, что тело будто бы понимает, что не время, не место, подожди. Несколько дней эта мысль грела её почти так же, как горшок с дождевой водой.

Тело не послушалось.

Она поняла это по тому липкому знакомому ощущению, которое в любой другой жизни означало бы просто неудобство, а здесь, в темноте оранжереи, на грязном продавленном кресле, без единой прокладки на расстоянии в несколько миль, превратилось в полноценную катастрофу.

Первая мысль была даже не «что делать», а «только не на кресло». Это кресло было единственным, что у неё оставалось похожим на хоть какое-то достоинство в этом стеклянном аду. И мысль, что она может его испортить, оставить на нём след того, что с ней происходит, казалась страшнее, чем сама ситуация. Она вскочила слишком резко, замерла, ощупывая ткань кресла дрожащими пальцами в темноте, и долго не могла понять, испачкала уже или ещё нет.

В итоге она просидела остаток ночи на земле, привалившись спиной к холодному кирпичу грядки, подложив под себя то, что нашлось, — оторванный край старой наволочки, в которую заворачивала подушку. Стыд был такой острый, такой почти физический, что временами заглушал даже усталость.

Утром, едва заслышав знакомые шаги — не его, а более лёгкие, торопливые, — она прижалась к двери и заговорила быстрее, чтобы не успеть устыдиться собственных слов:

— Хлоя. Мне нужны прокладки. Срочно. Пожалуйста.

Несколько секунд тишины с той стороны. Потом без единой нотки неловкости, которой так боялась Ханна:

— Держись, я мигом.

И она правда вернулась довольно быстро, просунула пачку через люк вместе с целой упаковкой влажных салфеток, не сказав по этому поводу ни слова больше, кроме короткого: «Я взяла с запасом, на всякий случай». В этой обыденности, в том, как легко подруга справилась с просьбой, которую сама Ханна произносила со стыдом, было что-то успокаивающее. Будто хоть один кусочек прежней жизни, где такие вещи решались за пять минут в школьном туалете, а не превращались в катастрофу вселенского масштаба, всё ещё существовал где-то рядом.

Не все визиты Хлои были про выживание.

Иногда, протолкнув через люк бутылку или пачку печенья, она задерживалась, садилась прямо на землю с той стороны двери и говорила. Не о побеге, не о плане, не о том, что происходит. Просто говорила.

— Марко окончательно поссорился с Дэном из-за того, кто кого сглазил на скалодроме, — рассказывала она однажды, явно стараясь, чтобы голос звучал легко. — Дэн упал с третьей ступеньки и теперь утверждает, что Марко навёл порчу на него. Серьёзно. Пятнадцать лет, а ведёт себя как моя бабушка.

Ханна, сидя по другую сторону двери, неожиданно для са-

мой себя рассмеялась. Коротко и хрипло, будто мышцы, отвечающие за смех, успели подзабыть, как это делается.

— А Коралина? — спросила она. — Она вообще в курсе, что происходит?

— Коралина в курсе только того, что ей сказали, — фыркнула Хлоя. — То есть ничего.

— Если бы она знала.

— Если бы она знала, она бы упала в обморок прямо в столовой, и нам бы потом ещё и за неё отвечать пришлось.

Они обе приглушённо посмеялись, оглядываясь на звуки снаружи. На пару минут Ханна забыла, что сидит на грязном полу в темноте, забыла про яму в углу, про засохшую корку пота и земляной пыли на коже. Она была просто Ханной, которая сплетничает с лучшей подругой через щель в двери, как сплетничала бы через стенку соседних кроватей в лагере.

Эти минуты она потом вспоминала чаще, чем хотелось бы признавать. Не побег, не план, не голод. Именно эти короткие, ничего не значащие разговоры, в которых она на время переставала быть телом с унижительными потребностями и снова становилась собой.

В какой-то момент Ханна заметила, что визиты тюремщика стали реже.

Хлоя сказала, что скоро конец августа. Скоро всё закончится.

— Я как-то дозвонилась до твоих родителей, — признала она, не дожидаясь вопросов. — Сказала, что ты жива, что им

нужно приехать сюда за тобой.

Ханна наклонилась к двери всем телом.

— И что они?

— Странно ответили, — Хлоя помолчала, подбирая слова. — Я думала, что они... Но твоя мама просто сказала «не беспокойся об этом, ситуация под контролем», попросила больше не звонить на этот номер и положила трубку. Ещё и таким голосом, будто я с жалобой на качество обслуживания обратилась, а не пыталась сказать, что...

Хлоя не стала продолжать. В оранжерее стало очень тихо.

— Под контролем, — повторила Ханна.

— Да.

Она тоже не нашлась, что сказать. Не нужно было ничего говорить. Вывод собрался сам, без всякого усилия, просто из тона, которым Хлоя пересказала эти слова. Родители не примчатся. Не позвонят в полицию. Не перевернут вверх дном весь пансионат, как делают родители в фильмах. Они уже всё знали. Их не обманули. Или они рады были обмануться. Может, без деталей, но достаточно, чтобы вместо паники ответить отрепетированной фразой человека, которому объяснили, как себя вести, если кто-то позвонит.

Ханна не заплакала. Удивительным образом для этого даже не осталось сил. Только новая, более плотная тишина внутри, которая постепенно заполняла собой пространство, прежде занятое надеждой.

Последний раз Хлоя пришла поздно вечером, и голос у

неё был другим. Торопливым и как будто испуганным.

— У меня мало времени, — прошептала она, и в люк скользнул маленький металлический предмет, упав на земляной пол с глухим звяканьем. — Это ключ. Забрала его у того... В общем, просто пообещай мне одну вещь.

— Какую? — Ханна подняла ключ.

— Не открывай сразу. Подожди ещё пару дней. Пансионат закрывается, персонал уезжает партиями. Через несколько дней здесь будет почти пусто. Если ты выйдешь сейчас, тебя поймают в первые же полчаса. Если подождёшь, то у тебя будет шанс.

Ханна сжала ключ в кулаке так сильно, что металл впился в ладонь.

— Хорошо.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Я больше не смогу приходить так часто, — голос Хлои дрогнул. — Может, вообще не смогу. Но я буду рядом, насколько получится. Просто... дождись. Пожалуйста.

И ушла быстрее, чем когда-либо, не оставив времени даже на нормальное прощание.

Она подождала несколько дней. Не знала, сколько. Забыла, как считать. Не посчитала нужным вспомнить. Периодически она представляла, как кто-то — мама, папа, Хлоя, кто-то из ребят или персонала, а может сам Крис — прибегает, чтобы освободить её. Чтобы объявить это всё огромным

недоразумением. Чтобы забыть всё через пару дней и вернуться в нормальную жизнь.

Ханна вставила ключ в скважину дрожащими пальцами и провернула его.

Замок поддался с тихим, почти ласковым щелчком. Звук настолько обыденный, что на мгновение показался ненастоящим.

Дверь открылась.

Территория пансионата встретила её темнотой и тишиной совершенно иного рода, чем та, к которой она привыкла в оранжерее. Эта была живой, движущейся, полной звуков леса и далёкого скрипа чего-то незакреплённого на ветру. Корпуса стояли тёмными прямоугольниками без единого огонька, главное здание — мёртвым силуэтом на фоне чуть менее чёрного неба. Сезон действительно закончился. Или почти закончился.

Ханна держалась тени деревьев так долго, как могла, обходя гравийные дорожки по траве, чтобы не хрустеть, и наконец нашла то, на что и не смела особо рассчитывать: окно на первом этаже одного из боковых корпусов, неплотно закрытое — то ли забыли, то ли просто не сочли нужным проверять перед закрытием сезона. Рама поддалась с тихим скрипом. Ханна забралась внутрь, ободрав локоть о подоконник, и замерла, прислушиваясь.

Тишина. Только её собственное сердце, бьющееся в ушах. Ванная комната нашлась быстро — холодная, без полоте-

нец, но с работающей водой. Ханна включила кран на минимальную струю, чтобы не шуметь, и долго, очень долго стояла под ледяной водой, оттирая то, что не оттиралось салфетками неделями. Грязь, копившуюся слоями, въевшуюся в кожу так, что казалось, будто отмывает не тело, а саму память о случившемся. Вода была обжигающе холодной. Ханне было всё равно.

В одной из раздевалок, она нашла тёмный походный рюкзак с одеждой, явно не своего размера, но достаточно простую, неприметную. Во внутреннем кармане нашлись купюры и монеты. Кто-то явно забыл этот рюкзак здесь в последний момент. Может, кто-то из воспитанников хотел освежиться перед дорогой... Или кто-то из персонала? Ханна запретила себе думать о мифическом или реальном владельце этих вещей. Она забрала всё, не позволяя себе думать о том, что это, по сути, кража. Выживание, напомнила она себе. Это просто выживание.

Переодевшись, она на секунду остановилась перед мутным зеркалом над раковиной. Первым зеркалом за всё это время.

Девушка, смотревшая оттуда, не была пятнадцатилетней Ханной Эйхенвальд, которая в начале лета поправляла вырез новой кофточки в холле «Гранд-Эклипс».

Острые скулы, выступившие там, где раньше были просто мягкие контуры лица. Серые глаза — то ли светлее, то ли просто более пустые, чем раньше, обрамлённые тенями,

которые не убрать никаким сном. Что-то в линии рта, что-то в том, как она держала плечи. Будто за эти недели в неё вселился кто-то другой, более жёсткий, более внимательный, более готовый ко всему сразу.

Ханна смотрела на незнакомку в зеркале ещё секунду. Потом отвернулась и выбралась через то же окно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.